

И. К. Кудрявцева

**ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО СОСЕДСТВА
И КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
НИЖНЕЧЕПЕЦКИХ УДМУРТОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)***

На территории Кировской обл. сложилась совокупность традиционных этноконтактных зон между русскими, удмуртами, татарами, взаимодействие между которыми происходит в сфере таких идентифицирующих признаков как язык, религия, этнонимы, обычаи, стереотипы поведения. В данной статье рассмотрены контакты этих этносов в Слободском, Унинском, Зуевском, Фаленском районах области в исторической ретроспективе и на современном этапе. В конфессиональном отношении данный регион представлен православными русскими, татарами-мусульманами и крещеными удмуртами, сохранившими традиционные религиозные воззрения с чтимыми до сих пор молельными местами и священными объектами.

Удмуртские деревни впервые упоминаются в переписи населения 1615 г. в составе Каринского стана Хлыновского уезда. По народным преданиям, они были основаны переселенцами из племенного объединения *ватка*, появившимися здесь после сожжения удмуртского святилища, стоявшего на месте современного г. Кирова. Старейшими удмуртскими поселениями Слободского р-на считаются дд. Сизёво (Бигра), Круглово (Чола), Омсино (Чабъя), Паскино (Поска) и Бурино (Сюра), жители которых в последующем положили начало и другим селениям, составив слободскую группу удмуртов.

Очень близки к ним косинские удмурты (получили название по р. Косе); к ним относятся удмурты Унинского, Зуевского, Богородского, Фаленского р-нов Кировской обл. Группа начала формироваться с кон. XVII в., когда произошло переселение части удмуртов из-под г. Слободского. По территории Унинского р-на проходит граница расселения двух этнолингвистических групп (ватка и калмезов): только здесь жители совершенно точно могут назвать, в какой деревне проживают ватка и в какой калмезы. В их взаимоотношениях на протяжении длительного времени сохраняется некое противопоставление: «мы–они». Согласно полевым материалам, различия между ними прослеживаются в религиозной обрядности, в материальной и духовной культуре, а также в языковых особенностях.

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Полевое исследование нижнечепецких удмуртов: этническая и языковая картина в современных условиях» (№ 17-11-18601 «е(р)»).

Ключевые слова: нижнечепецкие удмурты, слободская группа, косинская группа, ватка, калмезы, куала, моление Иммала ветгон, священные места, межэтнические связи.

Проблема этнокультурных взаимодействий различных этносов весьма актуальна для Урало-Поволжья, как многонационального и поликонфессионального региона, коренное население которого составляют народы финно-угорской (мордва, марийцы, удмурты, коми-пермяки) и тюркской (чуваши, татары, кряшены, башкиры) групп.

Объектом нашего исследования выбрана нижнечепецкая группа северных удмуртов, сосредоточенная в нижнем течении р. Чепцы и ее притоков на территории Слободского, Унинского, Зуевского, Фаленского и Богородского р-нов Кировской обл. Регион представлен православными русскими, татарами-мусульманами и крещеными удмуртами, сохранившими традиционные религиозные воззрения. Несмотря на преобладание православной идеологии среди удмуртов, на семейном и даже внутридеревенском уровнях до настоящего времени практически сохранились элементы дохристианских верований: до сих пор в народе помнят священные места и объекты.

Основные источники для написания данной статьи – полевые материалы, собранные в рамках реализации гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в ходе экспедиций в Слободском и Унинском районах Кировской обл. Задача автора была выявить историко-этнографические особенности локальных групп удмуртов. Расшифрованные материалы экспедиции переданы на хранение в Рукописный фонд Научно-отраслевого архива УИИЯЛ УрО РАН [Рукописный фонд (РФ). Оп. 2. Д. 1674].

Автохтонным населением края считаются представители нижнечепецкой группы удмуртов, в которой, в свою очередь, выделяют две подгруппы: косинскую и слободскую. К слободской относятся удмурты, проживающие в современном Слободском р-не Кировской обл. Косинские удмурты сосредоточены на территории Унинского, Зуевского, Богородского, Фаленского р-нов. Их населенные пункты расположены в бассейне р. Коса – притоке Чепцы [Атаманов 2005, 61–62]. В составе этой подгруппы представлены две древние этнолингвистические группы – *ватка* и *калмез*, существенно различающиеся между собой в языке, а также в духовной и материальной культуре [Атаманов 2005, 67]. С большим сожалением приходится констатировать, что эта уникальная в своем роде диаспора удмуртов постепенно исчезает. Как свидетельствует современная исследовательница нижнечепецкого диалекта удмуртского языка, лингвист Л. Л. Карпова, начиная с середины XX в. число носителей данного диалекта неуклонно снижается. Сегодня полноценные его носители – немногочисленные представители старшего и пожилого возраста. Все они являются билингвами, свободно владеющими русским языком и использующими его как основной язык повседневного общения, а родной язык используют исключительно в быту [Карпова 2017, 8]. Ввиду проживания изолированно от основной массы удмуртского населения, отсутствия преподавания в школе удмуртского языка как предмета, нижнечепецкие говоры не испытывают влияния удмуртского литературного языка и развиваются по своим собственным языковым законам [Карпова 2016, 18]. По приблизительным подсчетам лингвиста в настоящее

время на территории распространения нижнечепецкого диалекта насчитывается примерно 800 удмуртов (исключая группу удмуртов-калмезов), из которых меньше половины владеет удмуртским языком [Карпова 2016, 108].

Задача нашего исследования – изучение контактной зоны взаимодействия в бассейне нижней Чепцы русских, татар и удмуртов; определение конфессиональной идентичности удмуртов и их стереотипов поведения.

Как пишет историк М. В. Гришкина, «длительное время считалось, что относительно слабая заселенность позволила русским внедряться на Вятку мирно, без столкновений с коренным населением. Однако раскопки последних лет, проведенные Л. П. Гуссаковским и Л. Д. Макаровым, подтвердили не только дату начального этапа русской колонизации (конец XII в.), но и сведения “Повести о стране Вятской” – местного письменного памятника – о кровавых столкновениях пришельцев с удмуртами и марийцами» [Гришкина 1994, 94]. Археолог Л. Д. Макаров считает, что следы пожарищ, перекрывающие на многих городищах финно-угорский слой, подтверждают предания, бытовавшие и среди удмуртов, и среди русских об ожесточенной борьбе и постепенном отступлении удмуртов. Сама столица Вятской земли – город Хлынов – была построена на месте древнего удмуртского поселения, где, по преданиям, племя «Ватка» имело «*быдъым куа*» – «великую куалу» для общеплеменных молений. Русские предания повествуют о строительстве Хлынова на месте «Баляскова поля» (*бöлячного* – общинного поля). Этимологию названия «Хлынов» некоторые лингвисты связывают с удмуртским «коло», «коланы» (брод, переправа, бродить) [Макаров 1989, 13–14].

Этой точки зрения придерживается и заведующая национально-культурным центром в д. Светозарево Алевтина Геннадьевна Кайсина. Она свидетельствует, что «на территории Слободского района удмурты проживают с древнейших времен. Удмуртские деревни впервые упоминаются в переписи населения 1615 г. в составе Каринского стана Хлыновского уезда. По народным преданиям, поселения были основаны переселенцами из племенного объединения *ватка*. Они появились здесь после того, как новгородцы сожгли великое удмуртское святилище, стоявшее на месте современного г. Кирова (*Кылно* – удм. название г. Хлынова, предшественника г. Кирова). Пожилые люди хранят память о Кылно, помнят мелодию, напоминающую им о временах, когда пришлось покинуть пепелище великого святилища. Мелодия жалобная, вызывающая слезы» [Кайсина 2005, 259]. Не случайно и пожилые информанты на вопрос: «Откуда сюда пришли удмурты?» – отвечают, что, по преданиям, раньше они жили в районе современного города Кирова.

По мысли А. Г. Кайсиной, территория расселения удмуртов была достаточно обширной: те, кто посильнее, ушли в сторону Глазова; остальные поселились на месте современной д. Чола (Круглово). Золу с очага сожжённой куалы перенесли на новое место: призвали своего покровителя (*вожшуд*) и основали в лесу мольбище в честь Имма вожшуда – *Имма веттон*. Позднее, когда по соседству с местом молений пролег большой тракт в сторону Глазова, святилище-мольбище перенесли вглубь леса, к д. Чабья (Омсино). До сих пор там проходят моления на Петров день и в Покров: приносят в жертву домашнюю птицу (гуся, утку),

привязывают разноцветные лоскутки к дереву, кидают монетки в родник [Кайсина 2005, 259].

Информантка из д. Нижнее Мочагино Анна Ивановна Болтачева, 1932 г. р., рассказывая о местах молений, вспоминает: «У моего сына тяжело проходила корь, поэтому мама, сын и я решили сходить на моление *Имма веттон*. Пошли пешком. Взяли с собой хлеб, деньги, еще кое-что из еды, домашнюю утку. Ранее места святилищ находились в дд. Круглово (удм. *Чола*) и Новый Погост (удм. *Выльгурт*). Последняя когда-то располагалась рядом с современной территорией д. Светозарево (удм. *Гырдор*), слева на возвышенности. Деревни уже нет. Там в жертву приносили белую овцу. Поэтому перед тем, как посетить место *Иммала веттон* вблизи д. Омсино (удм. *Чабъя*), обязательно нужно было зайти в дд. Круглово и Новый Погост. Во время каждой остановки мы разжигали костер, для этого с собой имелась большая связка щепок, оставляли в дар выпечку с просьбой о здоровье и счастье. Далее продолжили путь к *Иммала веттон* по тракту. Не доходя до д. Омсино, свернули направо и ушли в лес примерно на один километр, там есть родник и небольшой ручей. Как только дошли до места, устроили большой костёр, над которым и произошло заклятие утки. Крови дали стечь в костёр. Птицу ощипали, а пух весь сожгли на костре. В протекающий рядом небольшой ручей бросили монетки (неприменно белые – желтые нельзя). После всего обратились к Имма вождю с просьбой принять наши гостинцы и не гневаться, если что не так, попросили счастья, здоровья себе и родным, молились об исцелении сына от болезни, пусть все недуги пройдут и ничего страшного более не случится. Я была молодая и не знала, как правильно читать молитву, а мама тихо долго что-то говорила, просила. Затем мы постелили на землю скатерть, сели, поели. Из еды с собой оставались *табани* (лепешки из кислого теста), яйца. Тушу утки мы взяли домой, отварили ее и с просьбами о счастье, здоровье и благополучии съели за столом в кругу семьи» [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 75–76].

По признанию нашей собеседницы, раньше священных мест было больше. *Иммала* была и в Нижнем Мочагине. В народе говорили, что, посетив старые места, нужно зайти еще и в своё, иначе зачёта или пользы не будет. Так поступили и Анна Ивановна с родственниками, оставили там гостинцы, в основном выпечку. Считается, что если не провести данный обряд, тяжело придется в дальнейшем. Сейчас это место *Ужоговица* (по названию протекающей рядом речки Ужоговица) распаханно, а современники практически не помнят о нем [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 76–77].

Исследователь дохристианских культовых памятников, известный археолог Н. И. Шутова пишет, что моление *Иммала веттон* – общеудмуртское, являющееся старинной обрядовой церемонией слободских удмуртов, которое, очевидно, посещали и бесермяне. Они проживали ранее в д. Серьегурт, Верхнее и Нижнее Мочагино. На моление собирались жители 23 окрестных селений, а также удмурты из городов Слободской и Киров [Шутова 2001, 34]. К сожалению, в последние годы место *Иммала веттон* мало кто посещает. Молодое поколение зачастую ничего о нем не знает, за исключением отрывочных сведений, когда-либо услышанных от старших.

Как уже сказано, удмурты в Слободском р-не считаются древним населением края. По материалам местного краеведа Любови Григорьевны Кудяшевой, 1943 г. р., сначала удмурты жили на месте современного села Карино. Потом сюда пришли татарские князья. Постепенно они начали притеснять удмуртов и те ушли, основав в 2 км от Карино д. Сизёво (удм. *Бизра*). Небезынтересен тот факт, что почти у всех жителей этой деревни фамилия Саитовы, мусульманская по происхождению, что действительно подтверждает тесное взаимодействие между этносами. В свою очередь, переселенцы из д. Сизёво основали д. Мураши. Старейшими удмуртскими поселениями считаются Сизёво, Круглово, Омсино, Паскино (удм. *Поска*), Бурино (удм. *Сюра*). Их жители в последующем дали начало другим селениям. Всего в Слободском р-не, по словам краеведа, было 27 удмуртских населенных пунктов, расстояние между которыми небольшое: от 3 до 7 км. Т. И. Тепляшина, исследовавшая нижнечепецкие говоры более полувека назад, также дает полный список удмуртских селений с указанием сельсоветов [Тепляшина 1970, 156–157]. Деревни Светозарево (удм. Гырдор) и Пески образовались позже других, в 1927 г. Как говорит Л. Г. Кудяшева, в Карино жили татары, а вокруг рассыпались как горох удмуртские деревни. К большому сожалению, многие из них сейчас опустели. [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 70–71]. Другая собеседница Нина Константиновна Кудяшева, 1943 г. р., подтверждает, что раньше в Карино жили удмурты. По преданиям, после монголо-татарского нашествия в Карино прибыли татары. Русские жили в дд. Амур (удм. *Мамур*) и Зямино (удм. *Ѕама*). Позже они покинули эти места, а на их место пришло удмуртское население [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 69].

В процессе образования и укрупнения колхозов одна из центральных усадеб (с. Карино) объединила население близлежащих удмуртских деревень. В целом татары и удмурты работали и жили дружно, однако на бытовом уровне существовала определенная неприязнь, проявлявшаяся, например, в виде насмешек. Любовь Кудяшева вспоминает, что при ссорах в школе ребята-татары обзывали ее «*ар баиш*» (удмуртская голова), но она себя в обиду не давала. Другая информантка Зинаида Прокопьевна Воробьева, 1939 г. р., констатирует: «Раньше нас унижали, “вотяками” называли. Автобусов не было, мы до Слободского пешком ходили. Иногда пройти нельзя было, насмехались, отпускали непристойные шутки. Татары из Карино нас закидывали то снежками, то комками земли. Очень агрессивные были. А сейчас и у них село вымирает» [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 58]. Нина Константиновна Кудяшева продолжает: «В Слободском нас и сейчас вотянками называют. А чем мы плохи? Русская собеседница говорит, что у вас в домах уютно, чистоплотно, и тут же, жалуясь на соседку, вотяжкой её обзывает. Если ты встретила подругу в Слободском, а она в сопровождении русского человека, ни в коем случае не должна звучать удмуртская речь, иначе русская подумает, что мы обе вотянки. В Кирове такого нет» [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 69]. Собеседница признается, что с удмуртами так обращаются, потому что они тихий, стеснительный народ, все подстраиваются, соглашаются, лишь бы не ругаться.

В настоящее время удмурты компактно проживают в Светозаревском сельском поселении, в с. Круглово, в дд. Светозарево, Алексеево, Бурино, Верхнее

Мочагино, Нижнее Мочагино, Красногорье, Омсино, Паскино, Пески, Подгорное, а также в д. Сизёво (Бигра), относящейся к Каринскому сельскому поселению. В Светозарево проживают люди разных национальностей – удмурты, русские, татары, марийцы. Иноязычное окружение не помешало удмуртам сохранить свой язык, культуру, традиции. Все они говорят на родном языке, но тенденции последних лет таковы, что молодежь и дети используют удмуртский язык для общения только в кругу семьи.

Очень близка к *слободской* группе удмуртов *косинская*, получившая название по р. Косе и включающая в себя удмуртов современных Унинского, Зуевского, Богородского, Фаленского р-нов Кировской обл. Группа начала формироваться с конца XVII в., когда произошло переселение части удмуртов из-под Слободского [Атаманов 2005, 67]. Народ до сих пор сохраняет память об этом событии.

Унинский р-он – уникальный: по его территории проходит граница расселения двух этнолингвистических групп этноса (ватка и калмезов). Только здесь жители совершенно точно могут назвать, в какой деревне проживают ватка и в какой калмезы. По воспоминаниям информантов, первые проживали в дд. Сибирь (удм. *Пейкезь*), Астрахань (удм. *Асьтаркан*), Чугай (удм. *Малый Пейкезь*), Ленинцы, Петровка, Шишкинцы, Долганы (удм. *Пангаль*), Митенки, вторые – в дд. Мурызы (удм. *Пиуныр*), Малый Полом (удм. *Полом*), Порез, Удмурт Порез, Удмурт Сурвай, Пазял, Ключи (удм. *Изгурт*) [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 56]. Более половины из обозначенных населенных пунктов перестали существовать к концу прошлого столетия. Кроме того, удмурты-ватка сосредоточены также в соседних районах: в Зуевском – Березник (удм. *Кион*), Поля (удм. *Удэга*), Слудка (удм. *Гордъяр*), Городище (удм. *Поркар*), в Фаленском – Баженово (удм. *Бажгурт*), Дунай, в Богородском – Караул. Селения ватка и калмезов зачастую находились всего в нескольких километрах друг от друга. Несмотря на это, вплоть до начала XX в., эти группы оставались эндогамными, т. е. в браки не вступали, женились и выходили замуж только за людей своего объединения. В связи с этим у каждой подгруппы долгое время сохранялся собственный брачный ареал.

Как рассказывают старожилы, калмезы – более древние насельники края, а удмурты-ватка переселились в бассейн р. Косы, притока Вятки, с территории Слободского р-на. По преданиям местных удмуртов, раньше их деревни были неподалёку от Кирова, но, изгнанные марийцами, они были вынуждены поселиться вдоль рек Коса и Кильмезь. Живущие вдоль Косы – ватка, кильмезская сторона – калмезы [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 13]. Поднимаясь вверх по течению р. Чепцы, ватка разделились на *улланыёс* (нижних, живущих в нижнем течении Чепцы) – современные Слободской, Унинский, Зуевский, Богородский, Фаленский районы Кировской обл., и *вылланыёс* – удмурты бывшего Глазовского уезда, включавшего современные Кезский, Базезинский, Дебесский, Игринский, Глазовский, Красногорский, Юкаменский, Ярский районы Удмуртской Республики.

Во взаимоотношениях ватка и калмезов на протяжении длительного времени сохранялось некое противопоставление по принципу «мы–они». Согласно полевым материалам, различия между ними прослеживаются в религиозной обрядности, материальной и духовной культуре, в языковых особенностях. Пятакова

Анастасия Савельевна, 1921 г.р., жительница д. Сибирь пояснила, что уроженцы соседней д. Ключи – калмезы, «они разговаривают как вы (ученые УИИЯЛ УрО РАН – Н.И.), настоящие удмурты, а мы – ватка. Наш язык отличается от вашего» [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 10]. И, делаясь сокровенным, продолжила: «Часто плакала от слов своей свекрови. Она калмезкой была. “Визьтэм ватка” (Глупая ватка) говорила она мне. Ну и что, ватка не люди что ли?» [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 11–12]. Другая собеседница Почашева Нина Дмитриевна, 1940 г.р., родом из д. Петровка, тоже помнит, что ватка с калмезами мало общались. На вопрос, почему же так было, говорит, что язык у них отличался, одежда была другая: у калмезов одежда красная, тканая, со сборками, а «удмортлэн тӧды завод» (а у удмуртов белая одежда) [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 36–37]. В этом комментарии примечательна ассоциация ватка с удмуртами по признаку одежды, в то время как первый информант сделал акцент на языковом сходстве в говорах «настоящих» удмуртов (удмурты из Удмуртской Республики. – И. К.) и калмезов.

Русско-удмуртские взаимоотношения не всегда были простыми. Респонденты отмечают, что первые смеялись над ними из-за ошибок в речи, на что удмурты реагировали достойно и отмечали за собой владение двумя языками [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 36]. «Когда мы учились, елганские астраханских обижали. Там они русские, здесь – удмурты. “Вотяками” все нас называли. То подножку поставят, то стукнут. Бывали случаи драк в среде молодежи» [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 55] – делится воспоминаниями Будина Анна Федоровна, 1932 г.р., из д. Астрахань.

Информантка из с. Мухино Зуевского р-на Кулакова Т. И., 1956 г.р., говорит, что в родной д. Поля в начальной школе они общались на русском, а дома – на удмуртском. А в старших классах, в Мухино, стало непросто. «Мы еле выговаривали некоторые русские слова, акцент у нас был. Русские над нами смеялись, унижали. Иногда по селу пройти было нельзя, нас пинали, обзывали», – будто в былое возвратилась собеседница. По этой причине и межнациональные браки случались не часто. Она же вспоминает: «Переписывалась с молодым человеком. Он русский был. Я работала в магазине. Его мать зашла как-то и бросила фразу: “Ой, да в этой деревне вотяки живут”. Эти слова так хорошо запомнила, что не стала больше с русским переписываться. Он много раз еще писал, а я не стала общаться». Складывается впечатление, что отношения между этносами были далеки от идеальных. Удмурты чувствовали высокомерное отношение со стороны русских, что создавало в них комплекс неполноценности [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 101].

Жители деревень удмуртов-ватка живут в тесном взаимодействии между собой. В большинстве случаев их связывает устоявший брачный ареал, отношения родства и свойства. По воспоминаниям наших собеседников, как только наступали праздники, приезжали гости, на лошадях, порой за 40 километров. Многие оставались даже с ночевкой. В традиции гостевания было принято делить селения удмуртов-ватка на *валлалпальёс* (верховые) и *уллалпальёс* (низовые), ориентиром при этом служила р. Коса. Чугай, Сибирь, Астрахань считались валлалпальёс, Березник, Баженово – уллалпальёс [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 14].

Каждый год отмечались дни основания деревень. Например, в 1928 г. возникли новые дд. Петровка и Ленинцы, жители которых были переселенцами из Астрахани. 1 августа в Серафимов день образовалась Петровка. На такие праздники приезжали со всех окрестных деревень. В каждом доме угощали гостей, участники застолий радовались встрече, веселились, общались. Собиралась молодежь практически со всех селений. Но уже в 70–80-е гг. XX в. деревня начала пустеть. В Астрахани были построены двухквартирные дома, куда и переехали бывшие жители Петровки [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 35–36]. В настоящее время 1 августа проходят гуляния в д. Астрахань, а 2 августа неизменно принимает гостей д. Баженово [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 14]. Уже упомянутая д. Ленинцы была названа в честь государственного деятеля В.И. Ленина и перестала существовать в 70–80-х гг. прошлого столетия. Информанты вспоминают о ней как о небольшой, очень дружной деревне. В ней насчитывалось не более 20 домов. Если одна хозяйка испекла пирог, обязательно отнесёт его и другим, угостит, ведь так принято. Получался хороший улов – рыбу понемногу раздавали соседям. Жили как одна семья, делились, поэтому были сыты и жили благополучно [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 36–37].

В удмуртских деревнях 21 июля проходил праздник Гербер. Среди леса на лугу между дд. Сибирь и Астрахань собирались жители многих деревень и районов, и не только удмурты, но и русские. Раньше приезжали на лошадях, потом и на машинах. Но с распадом колхозов праздников не стало, а население начало уезжать [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 38]. В последние 5 лет проводится возрожденный праздник «Межа» в Астрахани, проходивший ранее на границе земель деревень Сибирь и Астрахань [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 18]. В д. Березник каждый год 21 июля приезжали родственники из других селений. Были люди даже из Сибири, хотя расстояние между деревнями 40 километров. В каждом доме принимали гостей, ходили по домам по деревне. Под вечер собирались в клубе, играли, танцевали. На Николин день в декабре вновь собирались удмурты близлежащих районов в эту деревню. Обязательно приезжали сибирцы и астраханцы. Жаль, отмечает информантка, что сейчас такого единства нет, даже добротной дороги до деревни нет [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 31].

Много испытаний выпало на долю наших соотечественников в течение XX в. Кроме войн и социальных потрясений большим несчастьем становились голодные годы. Редкий информант преклонного возраста не вспоминает об этом при разговоре, поскольку людям пришлось ходить по деревням, искать хоть какую-то работу за возможность поесть и даже просить милостыню. Удмурты-ватка признаются, что ходили по калмезским деревням, расположенным близ села Порез, потому что они жили лучше, у них водился хлеб [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 33–34]. На вопрос «Почему у них был хлеб, а у вас не было?» Александра Ефимовна Карина, 1928 г.р., уроженка д. Березник, ответила: «*Оло, музьемез умойгес вал, оло, калыкез öзгес кошки вольное*» (То ли земля у них была лучше, то ли народ у них меньше уходил на вольные заработки) [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 34].

Для поддержки в трудные минуты удмурты обращались к богам. Несмотря на то что нижнечепецкая группа раньше всех приняла крещение, моленные места и священные рощи у них сохранялись достаточно длительное время. Так, в д. Сибирь Унинского района моленное место находилось в лесу на угоре, недалеко от деревни, за огородами, и называлось *Шапка*. По рассказам представителей старшего поколения, в жертву приносили уток, гусей, варили кашу. Жертву закалывали прямо на месте, кровь пускали в землю. При обращении к Богу просили хорошего урожая, здоровья. Моление проходило летом. Приходили все желающие, говорили: «*Шапкае мыном*» (На Шапку пойдем). Сейчас место заросло, никто его не посещает и не ухаживает за ним [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 18–19].

В д. Березник Зуевского р-на, по словам информантки А. Е. Кариной, если случалась засуха, закалывали бычка. Священное место «*Кобла чячча*» (Лес кобылы) также находилось в лесу. Нужно было пройти вдоль леса и на несколько метров углубиться, там виднелись тоненькие елочки. Тут же варили кашу с внутренностями животного; вся деревня: и стар, и млад – участвовали в молении. Во время обращения просили мягких и теплых дождей, хорошего урожая и благополучия. Сваренные внутренности животного съедались. Кто проводил моление, респондентка не помнит, но присутствие попа на мероприятии отмечает [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 33]. В д. Астрахань Унинского р-на на Ильин день также закалывали быка, проходило моление деревней, заканчивался праздник всеобщим весельем и гуляньем [1, л. 35]. Там же было место «*Жэзег вандонни*» (место заклания гусей). Само название говорит о том, что в жертву приносили гусей и молились. Возможно, это место посещали более узким кругом лиц, например, семьями [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 54].

Одновременно с моленными местами в хозяйствах некоторых более зажиточных крестьян существовали святилища *куала*. В д. Чугай, по словам Галины Александровны Золотаревой, была такая, ее называли *Мишикуала*, по имени основателя рода. Если кто-то заболел, говорили: «*Ой, соослэн куалазы кутйз уг ни*» (Ой, их куала меня поймала / изурочила). Чтобы болезнь отступила, в куалу относили хлеб [НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674. Л. 13]. Приведенные примеры показывают, что в среде нижнечепецких удмуртов, так же, как и других групп удмуртов, синкретизм в религиозных взглядах проявлялся в полной мере. Лишь в последние годы наблюдается некоторое забвение традиционных святынь, но, тем не менее, о них знают, их помнят, чтут.

Таким образом, анализ полевых материалов показал, что наиболее многочисленные этносы бассейна Нижней Чепцы и ее притоков – русские, татары, удмурты – уже на протяжении многих веков живут в непосредственном соседстве. Взаимоотношения между ними на протяжении длительного времени носят характер сотрудничества и успешного взаимодействия, хотя на бытовом уровне еще сравнительно недавно чувствовалось неприятие удмуртов русскими и татарами, что подтверждают и наши данные. Включение материалов по святилищам обогатило выбранное направление исследования, показав в представлениях удмуртов соединение православных догматов и традиционного, мифологического мышле-

ния. Первые были привнесены русскими с началом колонизации Вятской земли и последующим крещением нижнечепецких удмуртов, дохристианские верования функционировали и преобладали до начала XVIII в., до массового крещения.

ЛИТЕРАТУРА

НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2. Д. 1674.

Атаманов М. Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 216 с.

Гришкина М. В. Удмурты. Этюды из истории IX–XIX вв. Ижевск: Удмуртия, 1994. 168 с.

Кайсина А. Г. Слободские удмурты: история развития диаспоры и современное состояние // Диаспоры Урало-Поволжья: Материалы межрегиональной науч.-практич. конф. (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.): Сб. ст. / Отв. ред., авт. предисловия Г. А. Никитина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. С. 259–261.

Карпова Л. Л. Морфологические маркеры нижнечепецкого диалекта удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 11. Вып. 1. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2017. С. 7–24.

Карпова Л. Л. Морфологические особенности имени существительного нижнечепецкого диалекта удмуртского языка // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. Т. 26. Вып. 3. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. С. 107–114.

Карпова Л. Л. Некоторые особенности фонетической синтагматики в нижнечепецком диалекте удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 10. Вып. 2. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. С. 17–36.

Макаров Л. Д. Начальный этап русской колонизации Вятского края // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров: Кировск. гос. пед. ин-т, 1989. С. 13–14.

Тепляшина Т. И. Нижне-чепецкие говоры северно-удмуртского наречия // Записки УдНИИ. Вып. 21. Филология. Ижевск, 1970. С. 156–196.

Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 304 с.

Поступила в редакцию 25.04.2017

Кудрявцева Ирина Константиновна,

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
e-mail: nazm-irina@yandex.ru

I. K. Kudryavtseva

Some issues of ethnic neighborhood and religious consciousness of the Nizhnechepetsky Udmurts (based on the materials of field researches)

A system of traditional ethno-cultural relations between the Russians, Udmurts, Tatars has been formed on the territory of the Kirov region. This article reflects the interaction of these ethnic

groups in language, religion, ethnonyms, customs, patterns of behavior in the Uninskiy, Zuevskiy, Falenskiy districts of the region both in historical retrospective and contemporary period. In religious terms this region is represented by the orthodox Russians, Muslims Tatars and baptized Udmurts, who have preserved their traditional religious beliefs, worshiped prayer places and sacred objects.

The first mention of the Udmurt villages dates back to 1615. According to folk legends, these settlements were founded by the settlers from the Votka generic unity, who migrated here after the burning of the Udmurt worship prayer place, which had been located on the territory of the modern Kirov city. Sizevo (Bigra), Kruglovo (Chola), Omsino (Chabya), Paskino (Poska) and Burino (Sura) villages are considered the oldest of the Udmurt settlements in the Slobodskoy district. The inhabitants of these villages later gave rise to other settlements making the Slobodskaya group of Udmurts which include the Kosinsk Udmurts (named after the Kosa river), Udmurts from modern Uninsk, Zuevsk, Bogorodsk and Falensk districts of the Kirov region. The boundary between the settlements of two ethnic-linguistic groups – the Votka and the Kalmez – runs on the territory of the Uninsk district. The residents of these districts can only definitely say what village is inhabited by the Votka and what by the Kalmez. A kind of opposition “we-they” between the Votka and the Kalmez has remained for a long time. According to the field records, the differences between them are traced in religious rituals, material culture and linguistic characteristics.

Keywords: the Nizhnechepetskaya group of Udmurts, the Slobodckaya group of Udmurts, Kosinskaya group of Udmurts, the Votka, the Kalmez, Kuala, Imala vetton prayer, sacred places, inter-ethnic communication.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2017, vol. 11, issue 2, pp. 121–132. In Russian.

REFERENCES

NOA UIIYaL UrO RAN. RF. Op. 2. D. 1674. [NOA UIIYaL UrO RAN. RF. Op. 2. D. 1674]. In Russian.

Atamanov M. G. *Ot Dondykara do Ursyurta. Iz istorii udmurtskikh regionov.* [From Dandekar to Urugarth. From the history of Udmurt regions.]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 2005. 216 p. In Russian.

Grishkina M. V. *Udmurty. Etyudy iz istorii IX–XIX vv.* [The Udmurts. Sketches from the history of the IX–XIX centuries]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1994. 168 p. In Russian.

Kaysina A. G. Slobodskiye udmurty: istoriya razvitiya diaspori i sovremennoye sostoyaniye [Slobodsky Udmurts: the history of the Diaspora and the current state]. *Diaspory Uralo-Povolzhia: Materialy mezhhregionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Izhevsk. 28–29 oktyabrya 2004 g.): Sb. st.* [of the Diaspora the Ural-Volga region: Materials of inter-regional scientific-practical conference (Izhevsk, October 28–29, 2004): Sb. ar.] Izhevsk, 2005. pp. 259–261. In Russian.

Karpova L. L. Morfologicheskie markery nizhnechepeckogo dialekta udmurtskogo yazyka [Morphological Markers of the Lower Cheptsá Dialect of the Udmurt Language]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniy.* [Yearbook of Finno-Ugric studies.]. Tom 11. Vypusk 1. Izhevsk, 2017. pp. 7–24. In Russian.

Karpova L. L. Morfologicheskie osobennosti imeni sushchestvitel'nogo nizhnechepeckogo dialekta udmurtskogo yazyka [Morphological Features of the Noun in the Lower Cheptsá Dialect of the Udmurt Language]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya.* [Bulletin of Udmurt University. Series of history and Philology.] Tom 26. Vypusk 3. Izhevsk, 2016. pp. 107–114. In Russian.

Karpova L. L. Nekotorye osobennosti foneticheskoy sintagmatiki v nizhnechepeckom dialekte udmurtskogo yazyka [Some Features of the Phonetic Syntagmatics in the lower Cheptsá Dialect of the Udmurt Language]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniy*. [Yearbook of Finno-Ugric studies]. Tom 10. Vypusk 2. Izhevsk, 2016. pp. 17–36. In Russian.

Makarov L. D. Nachalnyy etap russkoy kolonizatsii Vyatskogo kraya [The initial stage of the Russian colonization of Vyatka region]. *Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem* [Vyatka land past and present]. Kirov, 1989. pp. 13–14. In Russian.

Tepliyashina T. I. Nizhne-chepeckie govory severno-udmurtskogo narechiya [Lower-Chepetskiy Dialects of the North-Udmurt Dialects]. *Zapiski UdNII*. [Notes UdNII.] Vypusk 21. Filologiya. Izhevsk, 1970. pp. 156–196. In Russian.

Shutova N. I. *Dokhristianskiye kultovyye pamyatniki v udmurtskoy religioznoy traditsii: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Pre-Christian cult monuments in the Udmurt religious tradition: a comprehensive study]. Izhevsk, Udmurt Institute for history, language and literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001. 304 p. In Russian.

Received 25.04.2017

Kudryavtseva Irina Konstantinovna,
Candidate of Sciences (History), Junior Research Associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Ural Branch of Russian Academy of Sciences
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
e-mail: nazm-irina@yandex.ru